

Однажды я буду устанавливать правила

Вскоре вести о решении экзаменаторов дошли до мирского гения.

Один из представителей пришел к Цзян Чэню в его жилище, чтобы все ему объяснить.

Цзян Чэнь был поражен; выслушав экзаменатора, он севшим голосом произнес: «Господин экзаменатор, проще говоря, больше мне нельзя брать миссии в секции пилюль, верно?»

«Да. Теперь ты сможешь проводить в секции пилюль лишь одну неделю в месяц. Все экзаменаторы пришли к такому решению после долгого обсуждения». Экзаменатор без обиняков изложил Цзян Чэню суть дела. Он не боялся резкой реакции мирского гения. Поскольку решение было принято коллегиально, Цзян Чэнь, как бы сильно его это не задело, ничего не смог бы поделать.

Цзян Чэнь холодно улыбнулся: «Так значит, несмотря на то, что я не нарушил никаких правил, вы можете вот так просто надавить на меня?»

«Не надо придавать этому такого большего значения. Хотя это несколько несправедливо по отношению к тебе, нам нужно думать о высшем благе. К тому же мы делаем это, чтобы защитить тебя».

«Защитить?» - рассмеялся Цзян Чэнь. «Судя по вашим словам, у меня бы возникли неприятности, если бы вы не вмешались?»

«Подумай о долгосрочной перспективе. Ты что, хочешь стать заклятым врагом всех гениев? Хочешь стать врагом общественности номер один? Полагаю, твоя цель - присоединится к одной из четырех великих сект. Ты ведь не хочешь настроить против себя всех гениев своей будущей секты, правда?»

Экзаменатору не понравилась резкая реакция Цзян Чэня. Ты - всего лишь мирской культиватор, как можно быть таким несговорчивым?

Издевательски рассмеявшись, Цзян Чэнь слегка кивнул и сказал: «Ясно, так получается, что если кто-то обходит этих так называемых гениев, то они чувствуют себя оскорбленными? Получается, для четырех сект важнее всего - беречь нежные чувства этих так называемых гениев, да?»

«Думай что хочешь». Выражение лица экзаменатора ожесточилось. «Н забывай, ты - лишь один из многих, и ради высшего блага тебе следует поступить мудро и не противиться нашему решению. На этом все, как следует подумай над моими словами. Так или иначе, теперь тебе дозволено брать лишь семь миссий в секции пилюль. Если ты превысишь лимит, никто не станет выдавать тебе миссии. Вне зависимости от твоего мнения, таково наше последнее слово».

Это был ультиматум.

Экзаменатор развернулся, собираясь уходить.

Цзян Чэнь нахмурился, энергия ци забурлила в нем; громким, гневным голосом он произнес: «Запомните, нет никакого высшего блага. Однажды все эти так называемые гении, о благе

которых вы так печетесь, окажутся под моей пятой! Вне зависимости от вашего мнения таково мое последнее слово!»

Цзян Чэнь всегда отличался спокойным характером, но на этот раз он сильно разозлился.

Он всегда старался держаться в тени и не лезть на рожон, спокойно набирая баллы.

К сожалению, как бы сильно дерево не любило покой, ему не укрыться от ветра.

Желание Цзян Чэня не привлекать к себе лишнего внимания навлекло на него угрозы и давление со стороны.

Экзаменаторы накладывали на него несправедливые ограничения, оправдывая их своими смехотворными доводами.

По правде говоря, если бы новые правила касались всех, Цзян Чэнь не рассердился бы так сильно.

Но эти ограничения касались одного его. Очевидно, экзаменаторы старались надавить на него. Как можно спокойно реагировать на такую несправедливость.

Даже терпению глиняного Будды есть предел, что уж говорить про Цзян Чэня.

Экзаменатор замер, услышав слова Цзян Чэня, и, не оборачиваясь, ответил: «Если так и будет, то четыре великие секты тоже изменят правила ради тебя».

«Изменят правила ради меня?» - холодно усмехнулся Цзян Чэнь. «Нет уж. Когда этот день придет, я буду устанавливать правила».

Хотя Цзян Чэнь был в гневе, он не потерял самообладание. Он понимал, что экзаменаторы пошли на такие крайние меры потому, что он был простым мирским гением. Сразу было ясно, что экзаменаторы больше озабочены мнением гениев из сект.

Экзаменатор просто холодно улыбнулся; Цзян Чэнь казался ему безумцем, озвучивающим все, что взбрédет ему в голову. Да уж, эти мирские культиваторы - просто деревенщины, только и могут, что строить из себя невесть кого да задирать нос.

Слухи о решении экзаменаторов быстро разошлись по всему небесному сектору.

И вновь по всему сектору началась ожесточенные споры. Большинство кандидатов нахваливали экзаменаторов и их «невероятно справедливое решение».

Но были и другие кандидаты, которые отличались здравомыслием и, разумеется, сочувствовали Цзян Чэню. Таковы были жестокие порядки, устанавливаемые сектами.

Правила зачастую использовались для того, чтобы ограничивать слабых и потакать сильным.

«Ха-ха, выпьем же за нашу победу! Посмотрим, как теперь ему удастся набирать баллы. Теперь-то мы поставим его на место, а?»

«Именно так. В конце концов, потенциал мирских культиваторов ограничен. Выбранный им путь все равно не дал бы особых результатов. Так или иначе, отбор создан именно для нас - гениев из сект».

«Хе-хе, теперь то все гении смогут нормально выспаться, а?»

«Мне даже жаль мирского гения. Уверен, что он теперь хочет повеситься, не так ли? Ха-ха, в итоге он оказался звездой на один день, как появился, так и исчез».

И такие разговоры можно было услышать по всему небесному сектору. Гении наслаждались падением Цзян Чэня, и в небесном секторе царил атмосфера радостного возбуждения.

«Кучка трусов, просто омерзительно!» Чу Синхань, находившийся в своем жилище, резко нанес рубящий удар по пустоте, от которого по воздуху волнами разошлась темная духовная энергия.

«Они не могут превзойти его честными методами и идут угрожать экзаменаторам, чтобы те изменили правила; этот отбор – просто посмешище». Чу Синханя переполняла ярость.

Странный настрой овладел им. Будучи учеником Мастера Шуйюэ, он должен был радоваться падению Цзян Чэня.

Но вместо радости он испытывал только гнев, охвативший все его существо; он был так зол, что весь отбор начал казаться ему бессмысленной тратой времени.

«И все-таки интересно, означает ли это конец Цзян Чэня, или же он сможет преодолеть все трудности на своем пути?» Глубокая задумчивость отразилась в глазах Чу Синханя.

.....

«Бесстыдно, омерзительно, предосудительно, отвратительно!» Едва узнав о случившемся, Тан Хун прибежал в жилище Цзян Чэня и начал поносить всех причастных на чем свет стоит.

«Босс, эти люди – просто сборище ничтожеств! Они испугались, что ты догонишь их, поэтому они решили надавить на экзаменаторов. Это просто nepозволительные притеснения!» Тан Хун даже покраснел от возмущения.

Кому, как не Цзян Чэню, было знать, что все это – чистой воды притеснения и травля?

Однако он уже давно совладал со всеми своими эмоциями. Притеснения? Травля? Да, но неужели они смогут сломить меня, Цзян Чэня?

Конечно, нет!

Цзян Чэнь подавил свою ярость и холодно рассмеялся: «Не заводись так, Тан Хун. По крайней мере, этот случай служит наглядным доказательством».

«Доказательством чего?» Тан Хун удивился невозмутимости Цзян Чэня. Ему было словно наплевать на случившееся. Такое спокойствие озадачило Тан Хуна.

«Все очень просто. Чем чаще они идут на подобные меры – тем меньше они уверены в своих силах. Эти так называемые гении далеко не так уверены в себе, как может показаться».

Цзян Чэнь спокойно улыбался. «Может быть, им кажется, что они смогут таким образом меня сдерживать, но вместо этого тревога мало-помалу будет закрадываться в их слабые сердца. Когда они поймут, что им не остановить меня, вся эта тревога обратится во внутренних демонов, которые поглотят их и нарушат их гармонию дао».

Тан Хун был изумлен. Он чувствовал, что Цзян Чэнь прав. Но все-таки он не совсем его понимал. Он был простым парнем, не склонным к глубоким размышлениям.

«Босс, так, получается, ты готов смириться с этим?» Тан Хун был несколько разочарован.

«Готов, но с тяжелым сердцем. Я готов принять сложившуюся ситуацию, но придет день, и все они заплатят за свои деяния стократ!»

Затем Цзян Чэнь сказал Тан Хуну: «Возвращайся к себе, я буду тренироваться».

Внезапно ему в голову пришла мысль, что ему стоит быть благодарным этим тупым экзаменаторам. Очередная травля придаст ему сил и даст мотивацию, которая позволит ему найти то вдохновение, что он так долго искал.

Это вдохновение словно затрясло врата между четвертой духовной сферой и пятой, знаменуя близкий прорыв!

Увидев, в каком состоянии находится Цзян Чэнь с налитыми кровью глазами, Тан Хун удалился. По дороге домой он все время сыпал ругательствами.

Его голос доносился до небес, он источал мощную ауру.

Поскольку он никак не смог помочь боссу, ему оставалось только вот таким образом выпускать гнев. Его ругательства были весьма откровенны и направлены прямо по адресу.

«Гении? Дерьмо собачье! Ябедничают и плачутся экзаменаторам, словно сопливые дети, когда им не хватает сил одолеть кого-нибудь. Вы все трусы! Крысы!»

«Ха-ха-ха! Оказывается, все эти так называемые гении – трусы, боящиеся конкуренции. Занятно, ох занятно! Притворяются мудрыми и таинственными, а на самом деле – жалкие трусы! Какие еще гении? Полное дерьмо! Неудивительно, что четыре секты того и гляди развалятся, а союз шестнадцати королевств висит на волоске! Как думаете, может, это потому, что из-за этих нытиков здесь не сыскать настоящих гениев?»

Хотя Тан Хун был простым парнем, что-что, а оскорблять он умел – будь здоров. Он сыпал ругательствами направо и налево, крича изо всех сил своим мощным голосом. Он немного успокоился, лишь три раза обойдя жилой сектор.

Гении прекрасно слышали его. Но они чувствовали за собой вину, а потому любой, кто осмелился бы попробовать возразить Тан Хуну, просто расписался бы в собственной подлости.

Поэтому, сколько бы они ни злились, никто так и не вышел наружу.

Цзян Чэнь же не обращал внимания на то, что происходит снаружи. Он уже полностью погрузился в мир боевого дао пятого уровня.

Врата, ведущие на пятый уровень духовной сферы, прорвало, словно плотину на пути мощного потока. Его духовный океан наполнился безграничной мощью, когда он наконец-то прорвался и вошел в пятый уровень.

Ура!

Через несколько часов он открыл свои ясные глаза, в которых промелькнул огонек невероятной мудрости. «Кажется, вся эта травля принесла некоторые плоды, а? Я смог за один

присест прорваться на следующий уровень. Видимо, все взаимосвязано. Беда и удача идут рука об руку, везде царит установленный небесами порядок».

После прорыва на него нахлынуло необычайное вдохновение; он чувствовал, что сейчас – самое время потренироваться в своих божественных техниках. Цзян Чэнь с удовольствием принялся практиковаться.

<http://tl.rulate.ru/book/27/298765>